

Карел Чапек

Собачья сказка

Пока телега моего дедушки, мельника, развозила хлеб по деревням, возвращаясь обратно на мельницу с отборным зерном, Воржишека знал и встречный и Поперечный... Воржишек, – сказал бы вам каждый, – это собачка, что сидит на козлах возле старого Шулитки и смотрит так, будто это она лошаадьми правит. А ежели воз помаленьку в гору подымается, так она давай лаять, и, глядишь, колеса завертелись быстрее, Шулитка защелкал кнутом, Ферда и Жанка – лошадки дедушки нашего – влегли в хомуты, и весь возик весело покати́л до самой деревни, распространяя вокруг благовоние хлеба–дара божия.

Так разъезжал, милые детки, покойник Воржишек по всему приходу.

Ну, в то время не было еще автомобилей этих шальных; тогда ездили полегоньку, чинно и чтоб слышно было. Ни одному шоферу так не щелкнуть кнутом, как покойный Шулитка щелкал – царство ему небесное, и языком на коней не причмокнуть, как он умел это делать. И ни с одним шофером не сидит рядом умный Воржишек, не правит, не лает, не наводит страху – ну ровно ничего. Автомобиль пролетел, навонял – и поминай как звали: только пыль столбом! Ну, а Воржишек ездил малость посолидней. За полчаса люди прислушиваться, приноживаться начинали "Ага!" – говорили.

Знали, что хлеб к ним едет, и на порог встречать выходили.

Дескать, с добрым утром! И глядишь, вот уже подкатывает дедушкина телега к деревне, Шулитка прищелкивает языком, Воржишек лает на козлах, да вдруг – гоп! – как прыгнет Жанке на спину (и то сказать: спина была – будь здоров: широкая, как стол, за который четверо усядутся) и давай на ней плясать, – от хомута до хвоста, от хвоста до хомута так и бегаёт да пасть дерет от радости: "Гав, гав, черт меня побери! Ребята, ведь это мы приехали, я с Жанкой и с Фердой! Ура!" А ребята глаза таращат. Каждый день хлеб привозят и всегда такое ликование – помилуй бог! Будто сам император приехал!.. Да, говорю вам: так важно давно уж никто не ездит, как в Воржишеково время ездили.

А лаять Воржишек умел: будто из пистолета стрелял. Трах! – направо, так что гуси от страху бегут, бегут со всех ног, пока не остановятся в Полице на рынке, сами не понимая, как они там очутились. Трах! – налево, так что голуби со всей деревни взовьются, закружат и полетят куда–нибудь к Жалтману, а то и на прусскую сторону. Вот до чего громко умел лаять Воржишек, эта жалкая собачонка. И хвост у него чуть прочь не улетал, так он махал им от радости, что ловко напроказил. Да и было чем гордиться: такого громкого голоса ни у одного генерала и даже депутата нет.

А было время, когда Воржишек совсем лаять не умел, хоть был уже большим щенком и зубы имел такие, что дедушкины воскресные сапоги изгрыз. Надо вам рассказать, как дедушка к Воржишеку или, лучше сказать, Воржишек к дедушке попал. Идет раз дедушка поздно из трактира домой; кругом темно, и он, оттого что навеселе, а может, чтоб нечистую силу отогнать, дорогой пел. Вдруг потерял он впотьмах верную ноту, и пришлось ему остановиться, поискать. Принялся искать – слышит кто–то плачет, повизгивает, скулит на земле, у самых его ног. Перекрестился дедушка и давай рукой по земле шарить: что такое? Нашупал косматый теплый комочек, мягкий как бархат, – в ладони у него поместился. Только он взял его в руки, плач перестал, а комочек к пальцу дедушкиному присосался, будто тот медом намазан.

"Надо рассмотреть получше." – подумал дедушка и взял его к себе домой, на мельницу. Бабушка, бедная, ждала дедушку, чтобы "доброй ночи" ему пожелать; но не успела она рот раскрыть, как дедушка, плут эдакий, говорит ей:

– Погляди, Елена, что я тебе принес.

Бабушка посветила: глядь, а это щеночек; господи, сосунок еще, слепой, желтенький, как молодой орешек!

– Ишь ты, – удивился дедушка. – Чей же это ты, песик?

Песик, понятное дело, ничего не ответил: знай дрожит, горький, на столе, хвостиком крысиным трясет да повизгивает жалобно. Вдруг, откуда ни возьмись, – под ним лужица; и растёт, растёт, – такой конфуз!

– Эх, Карел, Карел, – покачала головой бабушка с укоризной, – ну где твоя голова? Ведь щеночек без матери помрет.

Испугался дед.

– Скорей, – говорит, – Елена, согрей молочка и дай булку.

Бабушка все приготовила, а дедушка намочил хлебный мякиш в молоке, завязал эту тюрю в уголок носового платка и получилась у него славная соска, из которой щенок до того

насосался, что животик у него как барабан стал.

– Карел, Карел, – опять покачала головой бабушка, – ну где твоя голова? А кто же будет щеночка согревать, чтобы он от холода не помер?

Что же дед? Ни слова ни говоря, взял щеночка и прямо с ним на конюшню. А там, сударик, тепло: Ферда с Жанкой здорово надышали! Они спали уж, но слышат – хозяин пришел, голову подняли, глядят на него умными, ласковыми глазами.

– Жанка, Ферда, – сказал дедушка, – вы ведь Воржишека обижать не станете? Я вам его поручаю.

И положил щеночка на солому перед ними. Жанка это странное созданище обнюхала, – пахнет приятно, хозяйскими руками. Шепнула Ферде:

– Свой!

Так и вышло.

Вырос Воржишек на конюшне, соской из носового платка вскормленный, открылись у него глаза, научился он пить из блюда. Тепло ему было, как под боком у матери, и скоро стал он настоящим шариком, превратился в глупого маленького шалуна, который не знает, где у него зад, и садится на собственную голову, удивляясь, что неловко; не знает, что делать со своим хвостом, и, умея считать только до двух, заплетается всеми четырьмя лапами; и в конце концов удивившись самому себе, высовывает хорошенький розовый язычок, похожий на ломтик ветчины. Да ведь все щенята такие – как дети. Многие могли бы рассказать по этому поводу Жанка и Ферда: какое это мученье для старой лошади все время следить за тем, как бы не наступить на несмышленыша; потому что, знаете ли, копыто – это не ночная туфля и ставить его надо потихоньку–полегоньку, а то как бы не запищало на полу, не вскрикнуло жалобно. "Просто беда с ребяташками", – сказали бы вам Жанка с Фердой.

И вот стал Воржишек настоящей собакой, веселой и зубастой, как все они. Одного только ему против других собак не хватало: никто не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

слышал, чтобы он лаял и рычал. Все визжит да скулит, а лая не слышать. "Что это не лает Воржишек наш?" – думает бабушка. Думала–думала, три дня сама не своя ходила, – на четвертый говорит дедушке:

– Отчего это Воржишек никогда не лает? Задумался дедушка, – три дня ходит, голову ломает. На четвертый день Шулитке– кучеру сказал:

– Что это Воржишек наш никогда не лает?

Шулитке крепко слова эти в голову запали. Пошел он в трактир, – думал там три дня и три ночи. На четвертый день спать ему захотелось, все мысли смешались: позвал он трактирщика, вынул из кармана крейцеры свои, расплачиваться хочет. Считает, считает, да видно сам черт в это дело замешался: никак сосчитать не может.

– Что это, Шулитка? – трактирщик говорит. – Или мама тебя считать не научила?

Тут Шулитка хлоп себя по лбу. И про расплату забыл, – к дедушке побежал.

– Хозяин! – с порога кричит. – Додумался я: оттого Воржишек не лает, что мама не научила!

– И то правда, – ответил дедушка. – Мамы Воржишек никогда не видал, Ферда с Жанкой лаю не могли его научить, собаки по соседству ни одной нету, – ну он и не знает, как лаять надо. Знаешь, Шулитка. придется тебе обучить его этому делу.

Пошел Шулитка на конюшню, стал учить Воржишека лаять.

– Гав, гав! – стал ему объяснять. – Следи внимательно, как это делается. Сперва rrrr – в горле, а потом сразу – гав, гав – из пасти. Rrrr, rrrr, гав, гав, гав!

Насторожил уши Воржишек: эта музыка по вкусу ему пришлась, хоть он и не знал, отчего. И вдруг от радости сам залаял. Чудноватый лай получился, с подвизгом – будто ножом по тарелке. Но лиха беда – начало. Ведь вы тоже раньше не знали азбуки. Послушали Ферда с Жанкой, как старый Шулитка лает, пожали плечами и навсегда потеряли к нему уважение. Но у Воржишека к лаю был огромный талант, ученье быстро пошло на лад, и когда он первый раз поехал на возу, сразу началось: трах – направо, трах – налево, – как пистолетные выстрелы. С утра до ночи все лаял, без передышки, никак налаяться не мог; рад был без памяти, что как следует научился.

Но у Воржишека не только забот было, что в кучерской должности с Шулиткой ездить. Он каждый вечер обходил мельницу и двор, проверял, все ли на месте, кидался на кур, чтоб не кудахтали, как торговки на базаре, потом становился перед дедушкой и пристально глядел на него, виляя хвостом, как будто говоря: "Иди спать. Карел, я послежу за порядком". Тут дедушка хвалил его и шел спать. А днем дедушка часто ходил по деревням, по местечкам, закупая зерно и кое-какой другой товар: семена клевера, чечевицу, мак.

Воржишек всегда бегал с ним и на обратном пути, ночью, ничего не боясь, вел дедушку прямо домой, не давая ему заблудиться.

Купил раз дедушка где-то семена, – ну да, тут вот, в Зличке; купил и завернул в трактир. Воржишек остался за дверями ждать. И ударил ему в нос приятный запах из кухни, – ну такой аппетитный, нельзя не заглянуть. А там, подумайте только, семья трактирщика ливерные колбаски ела. Сел Воржишек и стал ждать, не упадет ли под стол какой лакомый кусочек. А пока он ждал, остановил перед трактиром свой воз дедушкин сосед, – как бишь его? Ну, скажем, Юдал. Увидел Юдал дедушку в трактире, слово за слово, – и вот уже оба соседа каждый на свой воз полезли, – вместе домой ехать. Тронулись, – и совсем забыл дедушка о Воржишеке, который в это время на кухне перед колбасками на задних лапках стоял.

Наевшись, встали домочадцы трактирщика из-за стола, а кожу с колбас кошке на печь кинули. Воржншек облизнулся и тут вспомнил, где с дедушкой расстался. Стал бегать, нюхать

по всему трактиру – дедушки как не бывало.

– Воржишек, – сказал ему трактирщик, – твой хозяин вон где.

И показал рукой.

Воржишек сразу понял и домой побежал. Сперва по большаку, а потом думает: "Что ж, я дурак? Через холмы, напрямик, скорее!" И пустился по холму да лесом. Дело было вечером, а там уж и ночь наступила; но Воржишек ничего как есть не боялся. "У меня, думает, никто ничего не украдет". Только голоден был, как собака.

Наступила ночь, взошла полная луна. И там, где деревья расступались – у просеки или на вырубке, – луна стояла над верхушками такая красивая, такая серебряная, что у Воржишека сердце забилось от восторга. Лес шумел тихо-тихо, будто на арфе играл. Воржишек бежал теперь по лесу, как по черному–пречерному, коридору. Но вдруг впереди заблестал серебристый свет и арфы громче заиграли. У Воржишека вся шерсть дыбом; прижался он к земле и стал смотреть, оцепенелый. Перед ним – серебряная лужайка, и на ней пляшут собаки–русалки. Красивые белые собаки, ну белые–пребелые, – прямо прозрачные и такие легонькие, – капли росы с травы не стряхнут. То, что собаки – русалки, Воржишек сразу понял, потому что не было у них того интересного запашка, по которому собака настоящую собаку сразу узнает. Лежит Воржишек в мокрой траве, глаза вытаращил. Танцуют русалки, друг за дружкой гоняются, друг с дружкой грызутся, а то кружатся – свой собственный хвост ловят, но все так легко, так воздушно, что стебелек под ними не согнется. Воржишек смотрел внимательно: если какая начнет чесаться либо блоху ловить, значит – не русалка, а просто собака белая. Нет, ни одна ни разу не почесалась, ни одна блох не ловит. Как пить дать, русалки... А взошла луна высоко, подняли русалки головы и так слабо, приятно завывли, запели. Куда там оркестру в Национальном театре! Воржишек заплакал от избытка чувств и охотно присоединил бы свой голос к общему хору, да побоялся все испортить.

Окончив пение, все легли вокруг одной величественной собачьей матроны, – как видно, могучей вилы либо колдуньи собачьей, седой, дряхлой.

– Расскажи нам что-нибудь, – стали просить ее русалки.

Старая собака–вила, подумав, начала так:

– Расскажу я вам, как собаки сотворили человека. В раю все звери мирно и счастливо рождались, жили, умирали, и только одни собаки чем дальше, тем были все печальней. И спросил господь бог собак: "Почему вы печальны, когда все звери радуются?" И ответила самая старая собака: "Видишь ли, господи, остальные звери всем довольны, ничего им не нужно; а у нас, собак, в голове – кусок разума, и мы через это знаем, что есть что-то выше нас, есть ты. И ко всему-то мы можем принюхаться, только к тебе не можем; и в этом у нас, собак, нехватка. Поэтому просим тебя, господи, утоли нашу печаль, дай нам какого-нибудь бога, к которому нам принюхаться было можно". Улыбнулся господь бог и сказал; "Принесите мне костей; я сотворю вам бога, к которому можно будет принюхиваться". И побежали собаки в разные стороны, и принесла каждая из них по кости: которая львиную, которая лошадиную, которая верблюжью, которая кошачью, – словом, от всех зверей. Только собачьей кости ни одна не принесла: потому что ни одна собака ни до мяса собачьего, ни до собачьей кости не дотронется. И набралась тех костей огромная грудa, и сделал из них господь бог человека, чтоб у собак свой бог был, к которому можно принюхиваться. И оттого что человек сделан из костей всех зверей, кроме собаки, у него и свойства всех зверей: сила льва, трудолюбие верблюда, коварство кошки, великодушие коня; только собачьей верности, только ее одной нету!..

– Расскажи еще что-нибудь, – попросили опять собаки–русалки.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Старая вила, подумав, продолжала:

– Теперь расскажу вам, как собаки на небо попали. Вы знаете, что души людей идут после смерти на звезды, а для собачьих душ не осталось ни одной звезды, и они после смерти уходили спать в землю. Так было до Христа. А когда люди бичевали Христа у столба, осталось там страшно много, прямо пропасть крови. И один голодный бездомный пес пришел и лизал кровь Христову. "Пресвятая дева Мария! – воскликнули ангелы на небе. – Ведь он причастился крови господней!" – "Коли он причастился крови господней, – ответил бог, – возьмем душу его на небо". И сделал новую звезду, а чтобы было сразу видно, что она – для собачьей души, приделал к той звезде хвост. И только попала собачья душа на звезду, та звезда, от великой радости, давай бегать, бегать, бегать в небесном просторе, словно собака на лугу, – не так, как другие звезды, что ходят чинно, по своей дороге. И те звезды, что резвятся по всему небу, сверкая хвостом, зовутся кометами.

– Расскажи еще что–нибудь, – попросили в третий раз русалки.

– Теперь, – начала старая вила, – расскажу вам о том, как в давние времена у собак было на земле свое королевство и большой собачий замок. Люди позавидовали собакам, что у них свое королевство на земле, стали колдовать и колдовали до тех пор, пока собачье королевство вместе с замком не провалилось сквозь землю. Но если копать где надо, так раскопаешь пещеру, в которой находится собачий тайник.

– Какой собачий тайник? – взволнованно спросили русалки.

– Это зал неописанной красоты, – ответила старая вила. – Колонны – из превосходнейших костей, да не обглоданных нисколько: они мясистые, как гусиное бедрышко. Потом – ветчинный трон, и ведут к нему ступени из чистейшего свиного шпига. А застланы ступени ковром из кишок, битком набитых салом.

Тут Воржишек не мог больше сдерживаться. Выскочил на лужайку, закричал:

– Гав, гав! Где этот тайник? Ах, ах! Где собачий тайник?

Но в тот же миг исчезли и собаки–русалки и старая собака–вила... Напрасно Воржишек протирает себе глаза: вокруг – только серебристая лужайка; ни стебелька не погнулось под танцем русалок, ни росинки не скатилось на землю. Только тихая луна озаряла прелестный луг, окруженный со всех сторон, словно черной–пречерной изгородью, лесом .

Тут вспомнил Воржишек, что дома его ждет по меньшей мере размоченный в воде хлеба кусок, и побежал со всех ног домой.

Но после этого, бродя с дедушкой по полям, по лесам, он, вспомнив иной раз о подземном собачьем тайнике, начинал рыть, ожесточенно рыть, всеми четырьмя лапами глубокую яму в земле.

И так как он очень скоро разболтал тайну соседним собакам, а те другим, а другие – еще другим, то теперь все собаки на свете, бегая где–нибудь в поле, вспоминают о пропавшем собачьем королевстве, и начинают рыть яму в земле, и нюхают, нюхают, не пахнет ли из–под земли ветчинным тронном былого собачьего государства.